

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВ*

«АНАЛИТИЧЕСКАЯ» ВЕТВЬ
СОВРЕМЕННОГО СТОИЦИЗМА:

Л. БЕККЕР, У. ИРВИН, М. ПИЛЬЮЧЧИ**

Получено: 30.09.2020. Рецензировано: 04.12.2020. Принято: 11.01.2021.

Аннотация: В настоящей статье предпринимается одна из первых в отечественной литературе попыток систематического освещения и анализа идей аналитической ветви современного стоицизма. В качестве основных источников о нем выбраны работы трёх идейных лидеров этого направления: Лоуренса Беккера, Уильяма Ирвина и Массимо Пильюччи. Выбор в данном случае продиктован общим для этих авторов философским бэкграундом: их объединяет то, что они сформировались как философы по преимуществу именно в рамках аналитической традиции. Современный стоицизм позиционируется как философия жизни, однако в этом отношении он понимается не как совокупность спекуляций вокруг таких понятий, как «жизнь», «человек» и т. д., а как философия о том, как правильно прожить жизнь. Современные стоики объясняют актуальность стоической этики для человека XXI в. тем, что его мироощущение, как они полагают, во многом схоже с мироощущением человека эпохи эллинизма. На теоретическом уровне современный стоицизм является попыткой апплицирования этики поздней Стои на современное натуралистическое мировоззрение, конструируемое вокруг данных естественных наук. Эта задача реализуется путём представления этики римского стоицизма как совокупности определённых психологических техник. Благодаря этому оказывается возможным представить стоическую этику в виде своего рода «каркаса» поведения, потенциально совместимого с различными мировоззрениями. Однако в этом достоинстве современного стоицизма заключён и его главный недостаток. Очищенный от метафизики и опирающийся на достаточно очевидные практические послышки, этот каркас разумного уравновешенного поведения не сообщает ничего нового о мире и, как следствие, оказывается недостаточным для построения целостного мировоззрения. Тем не менее само возникновение этого движения свидетельствует потребности эксплицированной постановки мировоззренческой проблематики в рамках аналитической философии.

Ключевые слова: аналитическая философия, Лоренс Беккер, Массимо Пильюччи, современный стоицизм, Уильям Ирвин, философия жизни, этика добродетелей.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-33-52.

В мире набирает популярность движение *современного стоицизма*. Об этом говорит растущее число посвящённых этому движению академических и научно-популярных изданий, университетских курсов,

*Павлов Алексей Сергеевич, аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва), pavlov.alexu@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4118-1827.

**© Павлов, А. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

тематических Интернет-ресурсов¹ и материалов в СМИ. Каждый год проводится международная конференция STOICON (About Stoicon, 2020), а также Stoic Week — необычный challenge, суть которого в том, чтобы прожить неделю в соответствии с этическими принципами стоицизма и поделиться своим опытом с другими. К настоящему времени движение насчитывает большое количество участников со всего мира, среди которых в том числе академические философы и учёные. Постепенно современный стоицизм проникает и в Россию. В нашей стране одним из популяризаторов этого движения является философ и журналист Кирилл Мартынов (Мартынов, 2015), входящий в состав организаторов Stoicon-X — российского крыла конференции STOICON. Среди русскоязычных публикаций по теме в первую очередь следует указать статью П. А. Гаджикурбановой «Современные стоики» (Гаджикурбанова, 2011). На русский язык переведены некоторые ключевые для этого направления работы: «Как быть стоиком» Массимо Пильюччи (Пильюччи, Евстигнеев, 2020), «Радость жизни» Уильяма Ирвина (Ирвин, Горохов, 2020)². Тем не менее представляется, что современный стоицизм ещё не был в достаточной степени освещён в отечественной историко-философской литературе. Настоящая статья является одной из первых попыток восполнения этого недостатка. Как и вся философия сегодня, современный стоицизм не может избежать подразделения на аналитическую и континентальную традиции. В настоящей работе будут рассмотрены идеи «аналитической» ветви современного стоицизма. Интерес представляет то, как эти идеи соотносятся с популярными онтологическими и этическими позициями в аналитической философии. В качестве основных источников выбраны монография «A New Stoicism» Лоуренса Беккера (Becker, 1999), трактат «A Guide to the Good Life» Уильяма Ирвина (Irvine, 2008) и non-fiction «Как быть стоиком» Массимо Пильюччи (Пильюччи, Евстигнеев, 2020). Выбор в данном случае продиктован общим для этих авторов философским бэкграундом. Уильям Ирвин впоследствии отмежевался от аналитической традиции (Irvine, 2008: 222–223). Пильюччи также относит себя к «аналитикам» с весьма

¹Среди основных Интернет-ресурсов о современном стоицизме в первую очередь следует назвать портал «Modern Stoicism» (<https://modernstoicism.com/>) и тематический блог Массимо Пильюччи «How to be a Stoic» (<https://howtobeastocic.wordpress.com>).

²Русский перевод «Радости жизни» Уильяма Ирвина увидел свет уже после завершения работы над настоящей статьёй, и поэтому здесь используется авторский перевод фрагментов этой книги.

значительными оговорками (Pigliucci, 2012). Между тем всех их объединяет то, что они сформировались как философы по преимуществу именно в рамках аналитической традиции. Об этом свидетельствует и круг обсуждаемых ими вопросов.

1

Когда современный читатель встречается выражение «философия жизни», он, как правило, вспоминает идеи Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, Зиммеля и др., т. е. философские концепции, в которых спекуляция ведётся вокруг таких понятий, как «жизнь», «человек» и т. д. Современный стоицизм также позиционируется своими авторами как философия жизни (Irvine, 2008: 4–5). Тем не менее существенное отличие состоит в том, что современные стоики используют это понятие в его буквальном значении: это философия не столько о том, *что такое* жизнь, сколько о том, *как* её правильно прожить. Потребность человека в такого рода философии жизни связывается современными стоиками с необходимостью определения им высшей цели своей жизни, без достижения которой достижение других целей утрачивает свой смысл (ibid.: 2). Уильям Ирвин приводит слова, приписываемые неоплатоником Порфирием Эпикуру³ (Порфирий, Сидаш, 2011: 261):

Пусто учение философа, не излечившее ни одной человеческой страсти. Как бесполезна медицина, если она не исцеляет болезни тела, так и философия — если не изгоняет страсть из души.

Этический поворот в эллинистической философии традиционно объясняется ослаблением полиса и вызванными этим изменениями в понимании социальных отношений, государства и мира в целом. Человеку эллинистической эпохи с ясностью открылись хрупкость его жизни, недолговечность его отечества, относительность рационального знания. Требовалась философия, воспитывающая невозмутимость и мужество перед лицом неопределённости, и одним из вариантов такой философии послужил стоицизм.

Современные стоики объясняют актуальность стоической этики для человека XXI в. тем, что его мироощущение, как они полагают, во

³Надо сказать, что современные стоики не ограничиваются этикой стоицизма и нередко обращаются к другим этическим учениям античности. Как замечает Пильюччи, древние стоики порой и сами использовали идеи своих оппонентов, полагая, что «философия не является религией, не имеет священных текстов и не следует неоспоримым доктринам» (Пильюччи, Евстигнеев, 2020: 161).

многим схоже с мироощущением человека эпохи эллинизма. В самом деле, естественные науки и учитывающая их данные натуралистическая философия показали незначительность человека во Вселенной, его вторичность по отношению к фундаментальным параметрам естественного мира. В каком-то смысле они даже лишили человека его сущности, поставив под сомнение реальность его сознания и свободу его воли⁴. В наши дни — возможно даже ещё отчётливее, чем прежде, — человек ощущает свою беспомощность перед социальными, природными и техногенными катаклизмами, а также банальной случайностью.

2

Лоуренса Беккера (1939–2018) можно по праву назвать родоначальником современного стоицизма.

Ларри писал не только о стоицизме, — отмечает Пильюччи (Pigliucci, 2019) в своей заметке о Беккере, — хотя его *A New Stoicism* — это ориентир, немало поспособствовавший популяризации современного стоицизма и обновлению философии в креативном и в то же время философски строгом ключе.

Круг научных интересов Беккера действительно был широк и также охватывал этику и социальную философию. Но немногие знали, сколь непростая судьба скрывается за именем этого автора. В возрасте 13 лет будущий мыслитель перенёс полиомиелит, от последствий которого оправлялся в течение многих лет⁵. Со временем ему удалось вернуть контроль над мышцами ног, однако руки и часть мускулатуры диафрагмы остались парализованными. Засыпание приводило к почти полной остановке дыхания. Из-за этого Беккеру в течение всей последующей жизни приходилось пользоваться домашним аппаратом вентиляции лёгких при отходе ко сну или дневном отдыхе. Тем не менее страшный диагноз не сломил, а, напротив, даже укрепил волю к жизни мыслителя. В 1989 году он занял должность профессора философии Колледжа Вильгельма и Марии, одного из старейших высших учебных заведений США, и завоевал славу выдающегося учёного и лектора. Будучи профессиональным философом, Беккер искал теоретические основания для решения не сдаваться и продолжать борьбу с невзгодами. Их он

⁴Здесь в первую очередь имеется в виду позиция элиминативного материализма, отрицающая каузальную релевантность ментального и также его онтологический статус (см. Ramsey, 2019).

⁵См. видеообращение Лоуренса Беккера к съезду некоммерческой организации Post-Polio Health International: Becker, 2011.

нашел в философии античного стоицизма. Беккер на первых страницах своей монографии пишет (Becker, 1999: 5–6):

Представьте себе книгу о добродетели, счастье и благой жизни, в которой всё это понимается как [способ — прим. пер.] хорошо жить — а именно как совершенствование и процветание в терминологии доступных ресурсов. Представьте, что в этой книге утверждается, что в этом смысле хорошая жизнь — это продукт следования конечным и всё учитывающим нормативным пропозициям практического разума и что эти нормативные пропозиции не могут быть построены *a priori*, но, напротив, принципиальным образом зависят от полного доступного знания о естественном мире. [...] Эта книга могла бы быть написана в стоической традиции в том смысле, что в ней выдвигается набор учений, которые восходят к центральным элементам классической стоической этики. Она была бы эвдемонистической в своём отождествлении хорошей жизни, или счастья, с процветанием — определенного рода совершенствованием. Она была бы натуралистической в своём настаивании, что факты естественного мира являются вопросом практического обсуждения. И поскольку в этой книге утверждалось бы, что добродетельное поведение во все времена было одним и тем же (а именно согласованностью с практическим разумом), книга, так же как и стоические сочинения, предлагала бы формальное единство добродетелей.

Надо признать, что в монографии обсуждается актуальность не только этики, но и других разделов стоической философии — а именно логики и физики. Однако вследствие явной тенденции к элиминации последних и адаптации стоической этики к современному натуралистическому мировоззрению эта книга действительно определила характер работ, составивших впоследствии программу современного стоицизма.

Не менее любопытным представляется путь к стоицизму профессора философии Государственного университета Райта Уильяма Ирвина (1952). Работая над книгой о проблеме желания, он исследует, как этот вопрос решался в различных религиозных и философских учениях прошлого (Irvine, 2008: 5–8). Некоторое время он концентрируется на дзен-буддизме. Однако вскоре Ирвин обнаруживает, что у этой традиции много общего с античным стоицизмом. Как и дзен-буддизм, пишет философ (*ibid.*: 6–7), стоицизм видит счастье в добродетельной жизни и в отсутствии тревоги, однако в отличие от дзен-буддизма стоицизм не требует принятия сильных метафизических посылок. Так, на пятом десятке своей жизни Ирвин становится практикующим стоиком (что, очевидно, обусловлено не только его научными, но и личными мировоззренческими изысканиями). Потребность человека в наличии

философии жизни Ирвин связывает с необходимостью определения им высшей цели своей жизни, без достижения которой достижение других целей утрачивает свой смысл (Irvine, 2008: 2):

Есть опасность, что без [философии жизни — *прим. пер.*] вы проживёте свою жизнь зря, т. е. что, несмотря на все ваши занятия, несмотря на все приятные развлечения, которыми вы могли бы довольствоваться при жизни, вы кончите тем, что прожили плохую жизнь. Другими словами, есть опасность, что, находясь на смертном одре, вы оглянетесь назад и осознаете, что упустили свой единственный шанс в жизни.

Разумнее всего, пишет философ, было бы попытаться найти такую философию жизни на современных факультетах и кафедрах философии (*ibid.*: 3). Однако здесь мы обнаружим множество дискуссий по проблемам метафизики, логики, политики, науки, религии, этики, но не по философии жизни в указанном смысле. Стало быть, заключает Ирвин, не остаётся ничего другого, как попытаться разработать такую философию самостоятельно с оглядкой на то, какой она была в эпоху эллинизма.

Третья фигура, о которой пойдёт речь в настоящей статье, — это американский философ и биолог Массимо Пильюччи (1964). Детство и часть юности Пильюччи прошли в Италии, однако впоследствии он переехал в США. Так же как и других философов, о которых мы говорили выше, к стоицизму его приводят различные жизненные обстоятельства и мысли о неизбежной конечности человеческого существования (Пильюччи, Евстигнеев, 2020: 14–17). Философ признается (там же: 16):

В стоицизме же я нашёл рациональную, дружественную к науке философию, включающую в себя метафизику с духовными измерениями и имманентно открытую для любых «ревизий».

По всей видимости, вклад Пильюччи в разработку теоретической базы современного стоицизма наиболее скромный. Тем не менее его заслугой является популяризация этих идей в масс-медиа и сети Интернет. Благодаря Пильюччи теоретические наработки его коллег становятся доступны массовой аудитории, не искушённой в чтении сложных философских текстов, и современный стоицизм приобретает своё нынешнее лицо — лицо движения, подлинно народной философии.

3

На теоретическом уровне современный стоицизм является попыткой апплицирования этики поздней Стои на современное натуралистическое

мировоззрение, конструируемое вокруг данных естественных наук. Это неминуемо ставит вопрос, до какой степени стоическая этика отделима от ассоциированной с ней стоической метафизики. Впрочем, проблему несколько упрощает то, что стоическая метафизика также и сама в известном смысле была *материалистической*. Согласно онтологическому учению ранних стоиков, всё, что существует, по своей сути телесно (Столяров, 1995: 102). Стоики первыми начали говорить о причинно-следственных цепях, и это модель, которую мы используем до сих пор (там же: 120–121; см. также Бугай, 2019). Ими была сформулирована идея каузального детерминизма в виде принципа «ничто не происходит из ничего»: если нечто возникло беспричинно, т. е. случайно, это равнозначно утверждению, что оно возникло из ничего, что невозможно; если же нечто возникло по некоторой причине, эта причина есть нечто существующее (Столяров, 1995: 123–124). Даже судьбу они понимали просто как определённую каузальную цепочку (там же: 124). Судьба — это то, что с необходимостью было, и то, что с необходимостью будет в соответствии с установленным в мире строгим порядком причин. В этом отношении стоическая метафизика действительно в известной мере напоминает современный философский натурализм, постулирующий каузальный детерминизм и онтологическое единообразие мира.

Тем не менее представляется, что далеко не все элементы стоической онтологии совместимы с современной научной картиной мира. Беккер пишет (Becker, 1999: 6):

Многие идеи античных стоиков, несомненно, могут быть утрачены: прежде всего космический *telos* — представление, согласно которому естественный мир — это целесообразная система с конечным пунктом, или целью, на следование которой нас направляет практический разум.

Необходимый характер каузальных отношений объясняется ранними стоиками посредством идеи наличия в мире промысла (*πρόνοια*): каузальная цепь всех событий необходима, поскольку она целесообразна, т. е. имеет некое исходно заданное конечное событие, или цель (Столяров, 1995: 154–155). При этом промысел является функцией *Бога*, понимаемого стоиками одновременно и как исходная единица телесной реальности (*πνευματικῆ οὐσίᾳ*), и как некий универсальный телеологический принцип, ответственный за целесообразность, рациональность и благость всего происходящего (*λόγος, νοῦς*) (там же: 107). Ясно, что эти представления стоической физики уже не столь совместимы с натуралистическим мировоззрением. Несмотря на то что каузальный

детерминизм в целом является общим местом в современных физических науках⁶, они отрицают телеологизм: для всякого события имеется каузально достаточная причина, однако неверно говорить, что вся последовательность событий в мире в каком-то смысле целенаправленна⁷. Аналогичным образом дело обстоит с идеей Бога как универсального онтологического и телеологического принципа: наука в этом случае, как правило, прибегает к восходящему к «бритве Оккама» принципу каузальной замкнутости физического, утверждающему объяснительную достаточность физических причин (Кузнецов, 2016: 21).

Современные стоики признают значимость представления о всё промышляющем Боге для многих положений этики стоицизма (Irvine, 2008: 34). В частности, на телеологизме в стоической физике базируется *фатализм* в стоической этике: из идеи о необходимости связи причин естественным образом проистекает представление о предопределённости всего происходящего с человеком и, как следствие, призыв бесстрастно относиться ко всему, что выпадает на его долю. «Как поступает добрый человек?» — задаёт вопрос Сенека (Сенека, Бородай, 2001: 99) и сам же даёт на него ответ: «Отдаётся на волю рока. Большое утешение — знать, что тебя тащит вместе со всей Вселенной; мы не знаем, что распоряжается нашей жизнью и смертью, но знаем, что та же необходимость управляет и богами».

В свою очередь, на представлении о рациональном устройении мира основывается стоический принцип *οἰκείωσις*. По свидетельству Диогена Лаэртского (Диоген Лаэртский, Гаспаров, 1979: 295), этот принцип высказывался уже основателем стоической философии Зеноном Китийским. У Зенона под *οἰκείωσις* понималось согласие человека с разумной частью его природы, которая в конечном счёте равна сообразности с разумно устроенной природой космоса. Впоследствии стоик Гиерокл развил идею *οἰκείωσις* в полноценную теорию о самовосприятии (см. Martin, 2015: 342–368).

Впрочем, современные стоики уверены, что это не является серьёзным препятствием для приспособления стоической этики к нашим реалиям. Во-первых, они утверждают, что в философии поздней Стои Бог

⁶Это также верно и для аналитической философии сознания, в рамках которой проблема свободы воли формулируется как проблема совместимости детерминизма и свободной воли человека (см. Волков, 2018: 127–224).

⁷Интересные рассуждения о правомерности использования телеологической терминологии в научном дискурсе можно найти в недавней монографии Дэниела Деннета (Dennett, 2017: 70–101).

понимался, скорее, как рациональность Вселенной, и это понимание сродни нашему представлению: всё, что существует в естественном мире, может иметь своё разумное объяснение (Irvine, 2008: 53). По мнению Пильюччи (Пильюччи, Евстигнеев, 2020: 25),

[стоики — прим.] верили не в трансцендентные чудеса, а в то, что мир устроен согласно логосу (это может быть интерпретировано как универсальный разум, Бог и даже так называемый «Бог Эйнштейна», суть которого в том простом и несомненном факте, что природа познаваема через причину).

Во-вторых, современные стоики считают, что в римском стоицизме заинтересованность в фундаментальных основаниях мироздания уступает место вниманию к проблематике человеческого существования в мире, каким бы он ни был. Пильюччи полагает, что

(в) стоицизме не имеет значения, в кого верить — в Логос, Бога, или Природу. Главное — признавать, что достойная человеческая жизнь строится на культивировании собственной личности и заботе о других людях (и о Природе) (там же: 35–36).

К примеру, у Марка Аврелия (Марк Аврелий, Гаврилов, 1985: 69), отмечает Ирвин (Irvine, 2008: 38), мы можем найти замечание, что он даже рад отсутствию у него философской учёности, способной сбить с толку и отвлечь от более важного дела — нравственного совершенствования души. Аналогично и существование Бога рассматривается Марком Аврелием (Марк Аврелий, Гаврилов, 1985: 8) как нечто не имеющее отношения к тому, с чем приходится сталкиваться человеку в своей жизни (Пильюччи, Евстигнеев, 2020: 163).

4

Задача «натурализации» этики римского стоицизма реализуется путём представления последней в виде совокупности определённых *психологических техник*. Такая постановка вопроса объясняется не только намерением современных стоиков создать полноценную философию жизни (в противоположность обычной теории в нормативной этике), но, как указывает Ирвин, и самой спецификой римского стоицизма (Irvine, 2008: 38–39):

Завезя стоицизм, римляне приспособили это учение к своим нуждам. [...] Главной этической целью греческого стоицизма было достижение добродетельности. Римский стоицизм сохранил эту цель, но мы также обнаруживаем систематическое выдвигание второй цели — достижения бестревожности.

И под бестревожностью стойки понимали не зомбиподобное состояние. [...] Напротив, стойческая бестревожность — это психологическое состояние, характеризующееся отсутствием таких негативных эмоций, как грусть, гнев и тревога, а также наличием таких позитивных эмоций, как радость.

Надо заметить, что это далеко не первый случай применения опыта стоической этики в целях корректирования психоэмоциональной сферы человека. Ранее этика стоицизма послужила основой для целого семейства психологических техник, известных под общим названием *когнитивно-поведенческой терапии* (далее — КПТ) (Beck, Rush, Shaw, 1987). С момента своего создания КПТ, наряду с медикаментозной терапией, зарекомендовала себя как один из наиболее эффективных методов лечения расстройств депрессивного спектра. Как отмечает журналист Скотт Стоссел (Стоссел, Десятов, 2016: 20),

стойков можно, по сути, считать настоящими основоположниками КПТ. Утверждая, что «не столь многое мучит нас, сколь многое пугает, и воображение доставляет нам больше страданий, чем действительность», [...] Сенека на 20 веков опередил официального основоположника КПТ Аарона Бека, высказывавшего аналогичные соображения в 1950-х гг.

Стоическим корням КПТ также посвящена обстоятельная монография американского психолога Дональда Робертсона (Robertson, 2019).

В этом отношении нам должно быть понятно принципиальное различие между КПТ и современным стоицизмом. КПТ является совокупностью психологических техник, используемых психотерапевтом для работы с пациентом на очном приёме. В противоположность этому современный стоицизм позиционирует себя как нечто большее — своего рода *жизненное руководство*, совокупность универсальных принципов и практик, которые можно использовать в любой жизненной ситуации⁸.

5

В то время как границы метафизических построений современного стоицизма были очерчены в основном Лоуренсом Беккером, разработка основных этических принципов и психологических техник этого движения принадлежала Уильяму Ирвину. (В свою очередь, в заслугу Массимо Пильюччи можно было бы поставить адаптацию теоретических наработок его коллег для широкой аудитории.) В виду этого далее

⁸Имеются свидетельства о благотворном влиянии этики современного стоицизма в лечении депрессии (Overby, 2015).

в своём изложении я буду придерживаться в основном формулировок из трактата Ирвина.

1. *Дихотомия контроля*. Краеугольным камнем этики позднего стоицизма является принцип, условно обозначаемый Ирвином (Irvine, 2008: 85–101) как принцип дихотомии контроля. В эксплицированном виде он формулируется на первых страницах «Энхиридиона» Эпиктета (Эпиктет, Тыжов, 2012: 55):

Из существующих вещей одни находятся в нашей власти, другие нет. В нашей власти мнение, стремление, желание, уклонение — одним словом всё, что является нашим. Вне пределов нашей власти — наше тело, имущество, доброе имя, государственная карьера, одним словом — всё, что не наше.

Ирвин интерпретирует эти слова так, что мы должны «сделать своей целью желать то, чем проще всего обладать, и в идеале желать лишь те вещи, в обладании которыми мы можем быть уверены» (Irvine, 2008: 85).

Ясно, что слова Эпиктета не должны быть поняты слишком буквально: нам как раз свойственно желать то, чем мы не обладаем. В определённом смысле наша жизнь является чередой завоеваний тех вещей, в обладании которыми мы не можем быть на сто процентов уверены. Стало быть, речь в данном случае идёт, скорее, о наших эмоциональных реакциях на такие вещи. С этой точки зрения слова Эпиктета имеют примерно такой смысл: то, что подконтрольно нам, заслуживает не тревоги, а деятельного, участливого отношения, а то, что нам неподконтрольно, также не заслуживает тревоги, поскольку мы всё равно не можем это изменить. Таким образом, главная идея слов Эпиктета, которую стремится подчеркнуть Ирвин, заключается в том, что наша тревога при строгом анализе всегда оказывается *безосновательной*.

Любопытно, что к числу вещей, над которыми мы не имеем контроля, Эпиктет также относит и наше тело. К такому выводу его, очевидно, подводит тот факт, что оно открыто внешним влияниям, которым мы не всегда можем воспрепятствовать. Однако в перспективе данных современной науки это представление оказывается особенно актуальным, поскольку теперь мы знаем, что вне зоны нашего контроля находятся также и многие другие вещи: вегетативные процессы нашего организма, наследственность и в определённой степени зависящее от неё здоровье и т. д. (Пильюччи, Евстигнеев, 2020: 76). Ко всему прочему, современная наука также продемонстрировала глубокую укоренённость нашего сознания в нашей физической природе. Фрейд, а затем и когнитивные науки показали, что наши стремления и желания не всегда являются

проявлениями нашей свободной воли, но в ряде случаев продиктованы определёнными не зависящими от неё физиологическими факторами. Однако в этом случае, полагает Ирвин, дихотомия контроля оказывается слишком строга (Irvine, 2008: 90):

У меня есть сомнения по поводу отнесения наших стремлений, желаний и уклонений к категории вещей, над которыми мы имеем полный контроль. Вместо этого я поместил бы их в категорию вещей, над которыми мы имеем некоторый, но не полный контроль, или (в ряде случаев) в категорию вещей, над которыми у нас вообще нет контроля.

В этой связи он предлагает расширить исходную дихотомию до *трихотомии*, включив в неё также категорию вещей, не полностью зависящих от нашей воли (ibid.: 87–93).

2. *Интернализация целей*. На принципе дихотомии контроля основывается психологическая техника, называемая техникой интернализации целей. Как мы могли видеть, принцип дихотомии контроля устанавливает, что к категории вещей, над которой мы не имеем контроля, принадлежит буквально большая часть всего существующего: начиная от подручных вещей и заканчивая волей других людей. Такая постановка вопроса объясняется тем, что в соответствии с данным принципом подконтрольное фактически определяется как некоторая неотъемлемая часть личности, утрата которой, по-видимому, означала бы также и лишение статуса личности. Придерживаясь такого взгляда на вопрос о границах нашего влияния, пишет Ирвин, римские стоики призывали изменить сам предмет нашего целеполагания (ibid.: 96):

Стоики, к примеру, могли бы посоветовать мне заботиться, любит ли меня моя жена, хоть это и то, над чем я имею лишь некоторый контроль. Но когда я забочусь об этом, моей целью должна быть не внешняя цель: сделать так, чтобы она любила меня; неважно, сколь много я старался — я могу потерпеть неудачу в достижении этой цели. [...] Напротив, моей целью должна быть внутренняя цель: по мере своих сил и возможностей быть с ней как можно более любящим.

Таким образом, посредством интернализации целей мы в корне изменяем наше отношение к жизненным ситуациям. Например, спортсмену бессмысленно волноваться накануне игры, ведь он может быть уверен лишь в том, что сделал всё от себя возможное, а не в успехе игры, поскольку последний зависит также и от множества других факторов. Не умаляя значения внешней цели, мы можем быть уверены лишь

в достижении внутренней цели — в том, что мы сделали всё для достижения первой.

3. *Негативная визуализация.* В некоторых случаях мы можем считать себя несчастливыми из-за неудовлетворённости своей жизнью. Нам кажется, что в нашей жизни стало меньше радости и удовольствия, и мы можем пытаться восполнить недостаток посредством новых покупок, новых романтических приключений и т. д. Как отмечает Ирвин (Irvine, 2008: 66), такое поведение, во многом поддерживаемое пресловутой культурой потребления, в современной эволюционной психологии объясняется теорией *гедонистической адаптации* (Frederick, Loewenstein, 1999). Согласно этой теории, наша склонность удовлетворяться тем, что у нас есть, и стремиться к новым удовольствиям естественна и *de facto* является одним из базовых механизмов приспособления организма к окружающей среде. Между тем, уверен Ирвин, достижение нового удовольствия не может сделать нас подлинно счастливыми, поскольку само движение от одного удовольствия к другому потенциально бесконечно. Выход из этой ситуации философ усматривает в умении довольствоваться актуально имеющимся, о котором говорили римские стоики. Они, пишет Ирвин,

советовали нам проводить время, воображая, как мы теряем всё, что нам ценно: ушла жена, украли машину, потеряли работу. Эта практика, полагали они, позволит нам ценить нашу жену, машину и работу куда больше, чем мы могли бы (Irvine, 2008: 68).

Во многом смысл этой практики объясняется из принципа дихотомии контроля. Существование всего, что нам ценно, равно как и продолжительность этого существования, принадлежит к категории вещей, находящихся вне нашего контроля. Сущность нашей жизни фундаментальным образом задаётся её конечностью — фактом, поражающим своей очевидностью и непреложностью. Стало быть, всему, что кажется нам привычным, когда-нибудь придёт конец. В повседневности мы редко задумываемся о смерти, но, чтобы быть готовыми к её неизбежному визиту и, самое главное, чтобы быть счастливыми *hic et nunc*, здесь и сейчас, мы должны понемногу свыкаться с нею в своих мыслях. «Если ты целуешь своё дитя, или брата, или друга, — учит нас Эпиктет (Эпиктет, Тыжов, 2012: 207–208), — напоминай сам себе, что любишь смертное, любишь отнюдь не своё».

4. *Фатализм к настоящему и прошлому.* Выше мы говорили, что на телеологизме основывается стоический фатализм — этическая позиция,

которая также оказывается для нас неприемлема. Тем не менее, уверен Ирвин (Irvine, 2008: 104), это не мешает нам быть фаталистами по отношению к настоящему и прошлому. Фатализм к прошлому, объясняет философ (ibid.: 107), —

это в некотором смысле переворачивание или, если так можно сказать, зеркальное отражение негативной визуализации: вместо того чтобы думать, насколько хуже могла бы быть наша ситуация, мы уклоняемся от мыслей о том, насколько она могла бы быть лучше.

То же касается и настоящего: настоящее находится вне нашего контроля как в своей потенциальной (некоторые вещи принципиально неподконтрольны нам), так и в своей актуальной перспективах, в моменте здесь и сейчас, поскольку какие-либо изменения возможны лишь в будущем. Таким образом, современный стоицизм частично освобождает для нас будущее и переносит фаталистический пафос на настоящее и прошлое.

5. *Согласованность с природой.* В аналогичном ключе адаптируется и стоический принцип οἰκείωσις, внимание которому, впрочем, больше всего уделяется в книге Пильюччи (Пильюччи, Евстигнеев, 2020: 103–107). Главной проблемой здесь для нас является эссенциализм — характерное для античности представление, что человек обладает некоторой природой, или сущностью, принципиальным образом отличающей его от других живых существ. Современная биология рассматривает человека как продукт эволюции, проводя скорее количественные, нежели качественные различия между ним и другими видами. Между тем, уверен Пильюччи (там же: 104), это не мешает нам установить в качестве критерия различения характерное для человеческого вида поведение, конституированное его более сложными социальными отношениями и когнитивными способностями. Таким образом, для современных стоиков, так же как и для их античных учителей, высшей целью человеческой жизни является следование своей природе — разумности, оказывающейся в конечном счёте и главной добродетелью, включающей в себя все другие добродетели.

6

Несомненно, в некоторых своих проявлениях современный стоицизм — это *поп-философия*. На это красноречиво указывают названия некоторых брошюр, предназначенных для непринуждённого чтения в дороге или

в кафе. Перешагнув границы академических кругов и заговорив с читателем на языке масс-медиа и социальных сетей, она утратила обаяние эзотерической мудрости, исторически свойственное философии. Однако само возникновение этого движения, на мой взгляд, свидетельствует о необходимости эксплицированной постановки в современной философии мировоззренческой проблематики. При этом под мировоззрением в данном случае я понимаю не просто отстранённую онтологическую картину мира, но также совокупность представлений о том, как в таком мире *осознаёт* и себя, и сам этот мир существующий в нём человек.

Объясняя особенности аналитической традиции, Колин Макгинн (McGinn, 2003) замечает в автобиографии, что «это не традиция, которая стремится к вдохновению, утешению или идеологии. Не беспокоена она и „философией жизни“, хотя некоторые части ее и связаны с последней» (цит. по Шохин, 2015: 19). Впрочем, надо признать, что сейчас в аналитической философии о мировоззрении говорится всё чаще. К примеру, Дэниел Столджар (Stoljar, 2010) использует немецкое слово «Weltanschauung», определяя физикализм как «современное мировоззрение». К этому немецкому понятию также обращается Гален Стросон (Strawson, 2016) при обсуждении своей панэксперименталистской позиции. На мой взгляд, здесь мы говорим об укреплении тенденции, являющейся прямым следствием реабилитации метафизики в аналитической философии второй половины XX в. Неслучайным в этом отношении мне представляется обращение именно к стоическому наследию античной философии. Известно, что стоицизм имел множество пересечений с христианством (Столяров, 1995: 329–335). Прежде чем был открыт потенциал неоплатонизма, подспорьем для построения христианской теологии служила философия стоицизма. Интуиции стоической этики заложены в недрах христианского мировоззрения, и потому неудивительно, что они столь легко схватываются человеком постхристианской эпохи.

Выше мы видели, что современный стоицизм представляет собой этический проект, основанный на учёте определённых трюизмов (не всё находится под нашим контролем, существование конечно, прошлое неизменно и т. д.). Благодаря этому оказывается возможным представить этику стоицизма в виде своего рода «каркаса» поведения, потенциально совместимого со множеством других мировоззрений (Пильюччи, Евстигнеев, 2020: 76). Но в этом достоинстве современного стоицизма, полагаю я, кроется и его главный недостаток. Очищенный от метафизики и опирающийся на достаточно очевидные практические посылки, отрицание

которых привело бы в философии к банальному перформативному противоречию, этот каркас разумного уравновешенного поведения не сообщает нам ничего нового о мире и, как следствие, оказывается недостаточным для построения целостного мировоззрения.

В тот момент когда пишутся эти строки, в мире ещё свирепствует эпидемия COVID-19. Подобные катаклизмы служат свидетельством, насколько мы нуждаемся в целостном упорядоченном взгляде на мир. Думается, что аналитическая философия как официальная философия в большинстве западных вузов должна совершить своего рода *сократический поворот* и взять на себя выполнение терапевтической и мировоззренческой функций. Не изменяя ясности и точности стиля, своей вере в возможность рационального познания, она должна попытаться приоткрыть двери для субъекта в его экзистенциальной непосредственности, терзаемого тревогой и противоречиями. Избегая антисциентистских крайностей, в которые порой впадала философия предыдущего столетия, мы должны эксплицитно поставить проблему человеческой жизни. В конечном счёте философия сегодня должна стать тем, чем она была всегда, — не только строгой покровительницей всех наук, но и Боэциевой утешительницей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бугай Д. В.* Аристотель и философия поздней античности — физика и этика стоиков / Teach-in. Лекции учёных МГУ. — 2019. — URL: <https://teach-in.ru/lecture/2019-11-07-Bugai> (дата обр. 28 марта 2021).
- Волков Д. Б.* Свобода воли : иллюзия или возможность? — М. : Карьера Пресс, 2018.
- Гаджикурбанова П. А.* Современные стоики // Синий диван. — 2011. — № 16. — С. 203–216.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под ред. А. Ф. Лосева ; пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — М. : Мысль, 1979.
- Ирвин У.* Радость жизни : философия стоицизма для XXI века / пер. с англ. В. Горохова. — М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2020.
- Кузнецов В. Ю.* Различение и отождествление как базовые операции конституирования единства мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2016. — № 1. — С. 27–34.
- Марк Аврелий.* Размышления / пер. с древнегреч. А. К. Гаврилова. — Л. : Наука, 1985.

- Мартынов К.* Новый стоицизм : поиски атараксии в современном мире / Моноклер. — 2015. — URL: <https://monocler.ru/modern-stoicism/> (дата обр. 5 дек. 2020).
- Пильюччи М.* Как быть стойком : Античная философия и современная жизнь / пер. с англ. И. Евстигнеева. — М. : Альпина нон-фикшн, 2020.
- Порфирий.* Порфирия философа [письмо] к Марцелле // Сочинения / пер. с древнегреч., под ред. Т.Г. Сидаша. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. — С. 237–264.
- Сенека Л. А.* Философские трактаты / пер. с лат. Т.Ю. Бородай. — СПб. : Алетейя, 2001.
- Столяров А. А.* Стоя и стоицизм. — М. : КАМИ ГРУП, 1995.
- Стоссел С.* Век тревожности : Страхи, надежды, неврозы и поиски душевного покоя / пер. с англ. М. Десятова. — М. : Альпина-Паблшер, 2016.
- Шохин В. К.* Аналитическая философия : некоторые непроторенные пути // Философский журнал. — 2015. — Т. 8, № 2. — С. 16–27.
- Эпиктет.* Энциридион (Краткое руководство к нравственной жизни) / пер. с древнегреч. А. Я. Тыжова. — СПб. : Владимир Даль, 2012.
- About Stoicon / Modern Stoicism. — 2020. — URL: <https://modernstoicism.com/about-stoicon/> (visited on Dec. 5, 2020).
- Beck A. T., Rush A. J., Shaw B.* Cognitive Therapy of Depression. — New York : Guilford Press, 1987.
- Becker L. C.* A New Stoicism. — Princeton : Princeton University Press, 1999.
- Becker L. C.* Developing a Personal Philosophy about Disability / Post-Polio Health International. — 2011. — URL: <http://www.polioplace.org/personal-philosophy-disability> (visited on Dec. 5, 2020).
- Dennett D.* From Bacteria to Bach. The Evolution of Minds. — New York : W. W. Norton & Company, 2017.
- Frederick S., Loewenstein G.* Hedonic Adaptation // Well-Being : The Foundations of Hedonic Psychology / ed. by D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz. — New York : Russell Sage Foundation, 1999. — P. 302–329.
- Irvine W.* A Guide to the Good Life : The Ancient Art of Stoic Joy. — Oxford : Oxford University Press, 2008.
- Martin M. M.* Stoic Transcendentalism and the Doctrine of Oikeiosis // Transcendental Turn / ed. by S. Gardner, M. Grist. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — P. 1–10.
- McGinn C.* The Making of a Philosopher : My Journey Through Twentieth-Century Philosophy. — New York : Harper Perennial, 2003.
- Overby A.* How Stoicism Helped me Overcome Depression / Modern Stoicism. — 2015. — URL: <https://modernstoicism.com/how-stoicism-helped-me-overcome-depression-by-andrew-overby/> (visited on Sept. 30, 2020).

- Pigliucci M.* Dogmas of Analytic Philosophy, Part 1/2 / Rationally Speaking. — 2012. — URL: <http://rationallyspeaking.blogspot.com/2012/12/dogmas-of-analytic-philosophy-part-12.html> (visited on Dec. 5, 2020).
- Pigliucci M.* Lawrence Becker (1939–2018) and How to Live a Meaningful Life Against the Odds / Medium. — 2019. — URL: <https://medium.com/@MassimoPigliucci/lawrence-becker-1938-2018-and-how-to-live-a-meaningful-life-against-the-odds-664b4bb2fd71> (visited on Sept. 30, 2020).
- Ramsey W.* Eliminative Materialism / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2019. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/materialism-eliminative/> (visited on Sept. 30, 2020).
- Robertson D.* The Philosophy of Cognitive-Behavioral Therapy (CBT) : Stoic Philosophy as Rational and Cognitive Psychotherapy. — New York : Routledge, 2019.
- Stoljar D.* Physicalism (New Problems in Philosophy). — Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Strawson G.* Mind and Being // Panpsychism : Contemporary Perspectives / D. Chalmers. — New York : Oxford University Press, 2016. — P. 196–292.

Pavlov, A. S. 2021. “‘Analiticheskaya’ vetv’ sovremennogo stoitsizma: L. Bekker, U. Irvin, M. Pil’yuchchi [The ‘Analytic’ Line of the Modern Stoicism: L. Backer, W. Irvine, M. Pigliucci]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 33–52.

ALEKSEY PAVLOV

PHD STUDENT

LOMONOSOV STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-4118-1827

THE “ANALYTIC” LINE OF THE MODERN STOICISM: L. BACKER, W. IRVINE, M. PIGLIUCCI

Submitted: Sept. 30, 2020. Reviewed: Dec. 04, 2020. Accepted: Jan. 11, 2021.

Abstract: This article is dedicated to the “analytic” line in the philosophy of modern stoicism. Modern stoicism is developed as the philosophy of life but in this relation, it is understood as not the collection of speculations around such concepts as “life”, “human” and so on but rather as the philosophy about well living. It indicates that the goal of modern stoicism is integrating the eudemonic stance in the analytic normative ethics in which this movement was raised. Modern stoics explains the applicability of stoic ethics for 21st-century people in the way that their view on the world as they think is similar to such of Hellenistic people in many respects. On the theoretical level, modern stoicism is the attempt of application of ethics of late Stoa to the contemporary naturalistic worldview constituting around the data of natural science. This task is realized by representing the ethics of Rome stoicism as a collection of certain psychological practices. By means of it, it turns out possible to represent stoic ethics as some kind of the “framework” of behavior that is potentially compatible with various worldviews. But in this advantage of modern stoicism there is its main trouble also.

Cleared out from metaphysics and based on certain obvious practical premises, this framework of sensible staid behavior tells us nothing about the world and hence couldn't be used as the full-blown worldview. However, the very raising of this movement indicates the need to explicitly formulating the problem of worldview within the analytic philosophy.

Keywords: Analytic Philosophy, Lawrence C. Becker, Massimo Pigliucci, Modern Stoicism, Philosophy of Life, Virtue Ethics, William B. Irvine.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-33-52.

REFERENCES

- “About Stoicon.” 2020. Modern Stoicism. Accessed Dec. 5, 2020. <https://modernstoicism.com/about-stoicon/>.
- Beck, A. T., A. J. Rush, and B.F. Shaw. 1987. *Cognitive Therapy of Depression*. New York: Guilford Press.
- Becker, L. C. 1999. *A New Stoicism*. Princeton: Princeton University Press.
- . 2011. “Developing a Personal Philosophy about Disability.” Post-Polio Health International. Accessed Dec. 5, 2020. <http://www.polioplace.org/personal-philosophy-disability>.
- Bugay, D. V. 2019. “Aristotel’ i filosofiya pozdney antichnosti — fizika i etika stoikov [Aristotle and the Philosophy of Late Antiquity — Stoic Physics and Ethics]” [in Russian]. Teach-in. Lektsii uchënykh MGU. Accessed Mar. 28, 2021. <https://teach-in.ru/lecture/2019--11-07-Bugai>.
- Dennett, D. 2017. *From Bacteria to Bach. The Evolution of Minds*. New York: W.W. Norton & Company.
- Diogenes Laërtius. 1979. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]* [in Russian]. Ed. by A. F. Losev. Trans. from the Ancient Greek by M. L. Gasparov. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Epictetus. 2012. *Enkhiridion (Kratkoye rukovodstvo k nraustvennoy zhizni) [Enchiridion]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by A. Ya. Tyzhov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal’.
- Frederick, S., and G. Loewenstein. 1999. “Hedonic Adaptation.” In *Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology*, ed. by D. Kahneman, E. Diener, and N. Schwarz, 302–329. New York: Russell Sage Foundation.
- Gadzhikurbanova, P. A. 2011. “Sovremennyye stoiki [Modern Stoics]” [in Russian]. *Siniy divan [The Blue Sofa]*, no. 16: 203–216.
- Irvine, W. 2008. *A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy*. Oxford: Oxford University Press.
- . 2020. *Radost’ zhizni [A Guide to the Good Life]: filosofiya stoitsizma dlya XXI veka [The Ancient Art of Stoic Joy]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Gorokhov. Moskva [Moscow]: Mann, Ivanov i Farber.
- Kuznetsov, V. Yu. 2016. “Razlicheniye i otozhdestvleniye kak bazovyye operatsii konstituirovaniya yedinstva mira [Differentiation and Identification as Basic Operations for Constituting of the Unity of the World]” [in Russian]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya [RUDN Journal of Philosophy]*, no. 1: 27–34.
- Marcus Aurelius Antoninus. 1985. *Razmyshleniya [Ad se ipsum]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by A. K. Gavrilov. Leningrad: Nauka.
- Martin, M. M. 2015. “Stoic Transcendentalism and the Doctrine of Oikeiosis.” In *Transcendental Turn*, ed. by S. Gardner and M. Grist, 1–10. Oxford: Oxford University Press.

- Martynov, K. 2015. "Novyy stoitsizm [The New Stoicism]: poiski ataraksii v sovremennom mire [The Search for Ataraxia in the Modern World]" [in Russian]. Monokler. Accessed Dec. 5, 2020. <https://monocler.ru/modern-stoicism/>.
- McGinn, C. 2003. *The Making of a Philosopher: My Journey Through Twentieth-Century Philosophy*. New York: Harper Perennial.
- Overby, A. 2015. "How Stoicism Helped me Overcome Depression." Modern Stoicism. Accessed Sept. 30, 2020. <https://modernstoicism.com/how-stoicism-helped-me-overcome-depression-by-andrew-overby/>.
- Pigliucci, M. 2012. "Dogmas of Analytic Philosophy, Part 1/2." Rationally Speaking. Accessed Dec. 5, 2020. <http://rationallyspeaking.blogspot.com/2012/12/dogmas-of-analytic-philosophy-part-12.html>.
- . 2019. "Lawrence Becker (1939–2018) and How to Live a Meaningful Life Against the Odds." Medium. Accessed Sept. 30, 2020. <https://medium.com/@MassimoPigliucci/lawrence-becker-1938--2018-and-how-to-live-a-meaningful-life-against-the-odds-664b4bb2fd71>.
- . 2020. *Kak byt' stoikom [How to be a Stoic]: Antichnaya filosofiya i sovremennaya zhizn' [Using Ancient Philosophy to Live a Modern Life]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Yevstigneyev. Moskva [Moscow]: Al'pina non-fikshn.
- Porphyrios. 2011. "Porfiriya filosofa [pis'mo] k Martselle [Ad Marcellam]" [in Russian]. In *Sochineniya [Collected Works]*, ed. and trans. from the Ancient Greek by T. G. Sidash, 237–264. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Ramsey, W. 2019. "Eliminative Materialism." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Sept. 30, 2020. <https://plato.stanford.edu/entries/materialism-eliminative/>.
- Robertson, D. 2019. *The Philosophy of Cognitive-Behavioral Therapy (CBT): Stoic Philosophy as Rational and Cognitive Psychotherapy*. New York: Routledge.
- Seneca, Lucius Annaeus. 2001. *Filosofskiye traktaty [Philosophical Treatises]* [in Russian]. Trans. from the Latin by T. Yu. Boroday. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Shokhin, V. K. 2015. "Analiticheskaya filosofiya [Analytic Philosophy]: nekotoryye neprotorenyye puti [Some Pathless Ways]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophical Journal]* 8 (2): 16–27.
- Stoljar, D. 2010. *Physicalism (New Problems in Philosophy)*. Oxford: Oxford University Press.
- Stolyarov, A. A. 1995. *Stoya i stoitsizm [Stoa and Stoicism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: KAMI GRUP.
- Stossel, S. 2016. *Vek trevozhnosti [My Age of Anxiety]: Strakhi, nadezhdy, neurozy i poiski dushevnogo pokoya [Fear, Hope, Dread, and the Search for Peace of Mind]* [in Russian]. Trans. from the English by M. Desyatova. Moskva [Moscow]: Al'pina-Publisher.
- Strawson, G. 2016. "Mind and Being." In *Panpsychism : Contemporary Perspectives*, by D. Chalmers, 196–292. New York: Oxford University Press.
- Volkov, D. B. 2018. *Svoboda voli [Free Will]: illyuziya ili vozmozhnost' ? [An Illusion or an Opportunity?]* [In Russian]. Moskva [Moscow]: Kar'yera Press.